

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости

Годъ двадцать восьмой   выходятъ   по   4-го Марта 1890 года,
воскресеньямъ.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣдом. за прошедшіе
годы и за настоящій 1890 годъ по 10 н. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литов-
скихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 9.

При печатаніи объявленій, за каждую строну или мѣст
строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Содержаніе № 9.

Мѣстные распоряженія. Перемѣщенія. Мѣстные извѣстія.
Преподаваніе архип. благословенія. Пожертвованія. Неофици-
альный отдѣлъ. Антоній Юрьевичъ Сосновскій. Пьянство и
его ужасныя послѣдствія. Къ вопросу о происхожденіи слова
Русь. Изъ области религіозныхъ суевѣрій.

Мѣстные Распоряженія.

— 23 февраля, состоящій на вакансіи исаоломщика при
Красноостокской церкви, Сокольскаго уѣзда, діаконъ *Петръ
Имшенникъ* перемѣщенъ, согласно прошенію, на діакон-
ское мѣсто при Вилкомирской соборной церкви.

— 23 февраля, исаоломщикъ Клещельской церкви,
Бѣльскаго уѣзда, *Семенъ Добровольскій* перемѣнъ, со-
гласно прошенію, на мѣсто исаоломщика при Боредкой Рож-
дество-Богородичной церкви, Слонимскаго уѣзда, а на его
мѣсто въ Клещели назначенъ послушникъ Виленскаго Св.-
Духова монастыря сынъ исаоломщика *Александръ Яру-
шевичъ*.

— 27 февраля, послушникъ Сурдескаго монастыря
Михаилъ Маевскій назначенъ и. д. исаоломщика къ За-
льскаго церкви, Дисненскаго уѣзда, на испытаніе на 6
мѣсяцевъ.

— 27 февраля, утвержденъ въ должности церковнаго
старосты на 3 года выбранный къ Шадовской церкви,
Шавельскаго уѣзда, отставной рядовой Пименъ Богдановъ,
на 4-е трехлѣтіе.

Мѣстные Извѣстія.

— 27 февраля, преподавао Архипастырское благо-
словеніе Его Высокопреосвященства жертвователямъ на
приобрѣтеніе для Старокрасносельской церкви, Вилейскаго
уѣзда, полного прибора серебряныхъ священныхъ сосудовъ
(вѣсомъ 145½ золотниковъ, цѣною 80 руб.), а именно:
мировому посреднику Н. Н. Никольскому, миров. судѣй
М. И. Чарнецкому, отставному полковнику А. А. Бергу,
учителю М. Я. Цѣхановичу, Зинаидѣ Флеровой, Клавдіи

Рукнопой, почетному гражданину Ар. Г. Шелютто и нѣ-
которымъ изъ прихожанъ (поименованныхъ).

— 17 февраля, рукоположенъ во священника къ
Мотольской церкви, Кобринскаго уѣзда, *Алексій Наза-
ревичъ*.

— Пожертвованія. Наслѣдники умершаго кафедральнаго
протоіерея Виктора Гомолицкаго пожертвовали въ кафе-
дральный соборъ три серебряныхъ лампады къ мѣстнымъ
иконамъ, изъ коихъ одна вѣсомъ 3½ ф. и 2 золотника,
другая въ 33½ лота и третья 34 лота.

— Преосвященнѣйшій Павелъ, епископъ Олонецкій и
Петрозаводскій пожертвовалъ сто рублей Жировицкому мо-
настырю, на поминаніе всѣхъ потрудившихся и содѣй-
ствовавшихъ возсоединенію въ 1839 г. униатовъ съ право-
славною церковью, а равно почившихъ родныхъ его (съ
поименованіемъ тѣхъ и другихъ).

— Въ 1889 году въ Зельвянскую церковь поступили
слѣд. пожертвованія: 1) на устройство новой желѣзной
крыши на колокольнѣ, на мѣсто сорванной бурей, прихо-
жапами пожертвовано 175 р. 50 к.; 2) на тотъ же пред-
метъ помѣщикъ им. Зельва Никита Константиновъ пожер-
товалъ 25 р.; 3) жена помѣщика Константинова Елисавета
Сергѣевна пожертвовала желтое газетное облаченіе на св.
престолъ и жертвенникъ, стоимостью 34 р. 40 к. и одинъ
фунтъ роснаго ладона въ 5 р.; 4) вдовою штабсъ-капи-
таншею Стефанидою Осиповичъ — шерстяная малиноваго цвѣта
запавѣсь къ царскимъ вратамъ, цѣною 7 р. 50 к. и 5)
братствомъ Зельвянской церкви — днѣ хоругви, писанныя
на зеленомъ сукнѣ съ набивными золочеными украшеніями,
цѣною 30 р. Всѣхъ же вообще пожертвованій поступило на
251 р. 30 к.

НОВАЯ КНИГА: „КУРСЪ ПЕДАГОГИКИ, ДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ“.

Составилъ примѣнительно къ нормальной программѣ
педагогика для духовныхъ семинарій В. Тихомировъ. Вильна.
1887 г. Изданіе 4-е. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою
1 р. 50 к.

Для духовныхъ семинарій, женскихъ епархіальныхъ
училищъ, церковно-приходскихъ и образовательныхъ школъ,
выписывающихъ эту книгу изъ главнаго склада (въ Виль-
нѣ, у инспектора Литовской духовной семинаріи О. В.
Шербицкаго) цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Книга эта Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ допущена къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по педагогикѣ.

Краткое содержаніе. **Часть 1.** Педагогика. Глава I. О воспитателѣ. Глава II. О воспитанникѣ. Глава III. О задачахъ и средствахъ воспитанія. **Часть 2.** Дидактика—общая и частная. Глава I. Обучение грамотѣ, т. е. чтенію и письму. Глава II. Обучение ариметикѣ. Глава III. Обучение Закону Божию. Глава IV. Церковное пѣніе. 3—1

— **Вакансіи. Священника:** въ *Рабуни* (17) Вилайскаго уѣзда, въ с. *Збуражъ* (3), въ с. *Верстокъ* (10) и въ с. *Дмитровичахъ* (3)—Брестскаго уѣзда, въ с. *Михаловицкнъ* (18) Ошмянскаго уѣзда, въ с. *Бобрахъ* (19)—Лидскаго уѣзда, въ селѣ *Ланеницахъ* (17) и *Новомъ-Дворъ* (3)—Волковыскаго уѣзда, въ с. *Ново-Шарковщинъ* (3) и *Ново-Погостъ* (11)—Дисненскаго уѣзда, въ г. *Пружаннахъ*—при Пречистенской церкви (6) и въ с. *Жерчицахъ* (2)—Вильскаго уѣзда. **Псаломщика:** въ г. *Гроднъ* (3)—при соборѣ, въ м. *Лужкахъ* (13)—Дисненскаго уѣзда, въ с. *Полонкъ* (11) и *Доброволн* (3) Волковыскаго уѣзда, въ с. *Радивоничкахъ* (13)—Лидскаго уѣзда, въ м. *Остринъ* (11) и *Василишкахъ* (3)—Лидскаго уѣзда, при *Снитовской* церкви (13)—Кобринскаго уѣзда, въ м. *Векшинахъ* (2)—Шавельскаго уѣзда и въ с. *Красностокъ* (2) Соколкаго уѣзда.

Неофициальный Оицль.

Антоній Юрьевичъ

СОСНОВСКІЙ

Старшій Соборный Протоіерей *).

Возвращеніе Сосновскаго въ Клещели.

„Отецъ мой, пишетъ намъ Антонъ Антоновичъ, возвратился въ Клещели 28 іюня 1839 г. и помѣстился въ собственномъ домикѣ въ саду, безъ всякихъ средствъ содержанія, такъ какъ духовное начальство выраженіе высочайшаго повелѣнія по прежнему толковало въ томъ смыслѣ, что отцу моему дозволено жить въ Клещеляхъ, но *безъ прихода*; послѣдній былъ переданъ временно священнику Лонушинскому, Вильскому вице-благочинному“. Надо полагать, что у священника Лонушинскаго уже давно разыгрался анетить на богатый Клещельскій приходъ и онъ употреблялъ усилія къ перемѣщенію Сосновскаго изъ Клещель въ г. Нарву, на свой скудный приходъ. Священникъ Францъ (онъ же Аванасій) Лонушинскій пользовался особеннымъ благоволеніемъ епархіальнаго начальника; тагъ, ему порученъ былъ надзоръ за ходомъ важнѣйшихъ дѣлъ въ Вильскомъ благочиніи, которыя онъ имѣлъ право разрѣшать помимо благочиннаго Костыцевича¹⁷⁰⁾. Открывъ завѣсу, прикрывавшую поступки Лонушинскаго, не трудно разглядѣть картину дѣйствій нѣкоторыхъ лицъ, старавшихся посредствомъ угодничества, путемъ интриги и клеветы противъ ближняго, обдѣлывать свои дѣлишки. Благодаря си-

стемъ подкуповъ и угрозъ разпузались дурныя человѣческія страсти, въ выигрышъ оставались за частую люди, не останавливающіеся на средствахъ.

„Снѣшу изъ привязанности къ вамъ, писалъ Плакидъ Янковскій 23 іюня 1839 года, предупредить официальное распоряженіе, что Государь Императоръ на представленіе оберъ-прокурора св. синода соизволилъ повелѣть, чтобы вамъ дозволено было остаться на старомъ мѣстѣ. Архипастырь въ данномъ намъ вчера предложеніи приказалъ спросить (sic) и священника Лонушинскаго и представить себѣ мнѣніе: можно-ли, согласно вашей просьбѣ, разрѣшить вамъ жить въ своемъ домѣ въ Клещеляхъ. Кажется это одна только формальность. Въ этомъ отношеніи вы не встрѣтите препятствій“.

„Послѣ объявленія черезъ Бѣлостоцкую полицію высочайшей резолюціи (которая будетъ сообщена Бѣлостоцкому правленію съ слѣдующею почтою), вамъ слѣдуетъ немедленно войти съ просьбою къ архипастырю о выдачѣ вамъ лежащей у насъ протоіерейской пенсіи. Надѣюсь, что и въ этомъ не встрѣтится затрудненій. О претензіи къ фондушу Клещельскому теперь было бы своевременно доискиваться своимъ порядкомъ. Было бы кстати вамъ просить о возвращеніи васъ на прежнее мѣсто, хотя бы въ видѣ единственной награды за хорошую и полезную жизнь, посвященную на общее благо.“

Примиска P. S. Какъ только поправится ваше здорье и вы почувствуете себя болѣе спокойнымъ, напишите ко мнѣ нѣсколько строкъ.—Если будетъ согласно съ вашими желаніями и если вы на меня надѣетесь, то я просилъ бы васъ прислать мнѣ дорогіе ваши рукописные труды, относящіеся къ исторіи греко-уніатской церкви¹⁷⁰⁾.“

Сосновскому привелось испытать не мало огорченій и отъ своей младшей братіи, желавшей заслужить расположеніе архипастыря. Одинъ изъ документовъ показываетъ, къ какимъ жалкимъ средствамъ прибѣгалъ Лонушинскій, пользуясь перасположеніемъ къ Сосновскому епархіальнаго начальства, старался вытѣснить изъ Клещель большаго и убитаго горемъ старика, оказавшаго такія великія услуги клиру. Старшій соборный протоіерей Антоній Сосновскій далъ подписку на воссоединеніе въ мартѣ 1839 года, прибылъ въ м. Клещели—25 іюня, и поселился, какъ сказано, въ собственномъ домѣ въ саду. Спустя не болѣе мѣсяца Лонушинскій при рапортѣ 3-го августа послалъ доносъ въ консисторію, что Сосновскій со дня прибытія изъ г. Бѣлостока, будучи совершенно здоровымъ, не былъ еще на богослуженіи ни въ одной Клещельской церкви, и что семейство его бываетъ въ одномъ только латинскомъ костелѣ. Отъ Сосновскаго консисторія потребовала объясненія. Сосновскій въ своемъ объясненіи 27 августа мѣтко характеризуетъ неприличную придиричивость и неумѣстное усердіе молодого священника. „Изъ Бѣлостока я прибылъ въ Клещели 25 іюня больнымъ. Отецъ вице-благочинный со мною не видался, а я его видѣлъ изъ сада въ отдаленіи только однажды, и замѣтилъ, что у него хорошій видъ; онъ гораздо моложе меня и навѣрно въ теченіе своей жизни не испытывалъ такихъ горестей, какія я испыталъ; при всемъ томъ я не могу утверждать, что г. Лонушинскій здоровъ, потому что и самый лучший врачъ не можетъ судить о

*) См. № 1-2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

170) Записки Іосифа Сѣмашки, III, 397.

170) Янковскій къ Сосновскому, 23 іюня 1839 г. Докум. лит. П. Янковскій, докторъ богословія, былъ ассесоромъ консисторіи и преподавателемъ семинаріи.

здоровья по одному только наружному виду, не испытываю пульса и не выкинувъ во всѣ обстоятельства. О моей продолжительной болѣзни въ г. Вѣлостокѣ можетъ засвидѣтельствовать врачебная управа, а о хроническомъ моемъ недугѣ знаетъ и самъ высокопреосвященный, съ которымъ я бесѣдовалъ въ Жировицахъ послѣ обѣда. По своей слабости, влѣдствіе припадковъ геморроидальныхъ, я не могу продолжительное время оставаться на одномъ мѣстѣ. Приходить въ церковь, въ которой я былъ настоятелемъ 38 лѣтъ, мнѣ весьма тяжело: достаточно, чтобы заплакала какая либо баба при видѣ страждущаго своего духовника (а это въ женщинѣ естественно), чтобы со мною приключился припадокъ. Но еще могло бы случиться худшее, когда народъ выразилъ бы въ моемъ присутствіи какое либо негодованіе на вице-благочиннаго; тогда меня просто обвинили бы въ возбужденіи къ бунту. Поэтому я не нахожу удобнымъ не только посѣщать церковь, но и приходить своихъ въ городъ и деревни. Я только два раза отлучаюсь изъ своего домика: въ первый разъ на четверть часа былъ у становаго пристава для принесенія жалобы на побой моей служанки служителемъ вице-благочиннаго; во второй разъ въ почтовую контору, стараясь обойти свой фруктовый садъ, чтобы избѣгнуть той же участи, которая постигла мою служанку.

„Вскорѣ по прибытіи въ м. Клеццели я долженъ былъ ѣхать въ Жировицы, откуда возвратился 13 іюня; отдохнувъ три дня, я выѣхалъ въ Вѣлостокъ для уплаты расходовъ за содержаніе меня въ теченіе семи мѣсяцевъ; изъ Вѣлостока я возвратился 17 іюля, а отъ 17 до подачи рапорта вице-благочиннымъ (3 августа) прошло 3 воскресныхъ дня. Но почему г. Лонушинскій не жалуется на прихожанъ, которые и не посѣщаютъ церкви, и не были на насхальной исповѣди? Въ нерадѣніи меня еще никто не обвинялъ въ теченіе 38 лѣтней службы моей. Вице-благочинному надлежало бы быть ко мнѣ болѣе милостивымъ, если не по заслугамъ, то по крайней мѣрѣ по лѣтамъ моимъ.“

„По частнымъ слухамъ мнѣ извѣстно, что вице-благочинный сносится съ исправникомъ въ г. Вѣльскѣ и готовить новыя обвиненія. Я долженъ исправить еще одну ошибку вице-благочиннаго: въ іюль мѣсяцъ я исповѣдывался у викарнаго священника Іоанна Демяновича и затѣмъ служилъ литургію въ церкви св. Георгія. Демяновичъ подтвердитъ все это.“

„Несправедливъ также извѣтъ вице-благочиннаго на мое семейство, которое состоитъ теперь изъ моей жены и дочери Вероники. Они бывали и въ церкви, и у исповѣди на насху. Дочь Вероники, правда, бывала иногда въ костелѣ, полагая, что молиться можно и въ костелѣ; точно также думаютъ, вѣроятно, жена и дочь вице-благочиннаго, посѣщающія костелъ. Я впрочемъ и не знаю такого закона, которымъ воспрещается бывать въ костелахъ. Что же касается до моего сына, то о немъ надлежитъ спросить духовное начальство Вѣлостокской гимназіи“ (171).

Но этимъ объясненіемъ не прекратились торзанія старика. „Отвѣчая на письмо ваше отъ 20 числа прошлаго мѣсяца (августа), не имѣю ничего такого, чтобы васъ уснокоить. Отъ благочинныхъ вѣлостокской области еще нѣтъ увѣдомленія на предписанные имъ указы, а безъ этого — представленіе не можетъ идти далѣе. (т. е. къ архи-

епископу). Имѣются нѣкоторыя мелочныя подробности, объ устраненіи которыхъ я буду просить епископа Голубовича, который едва черезъ недѣлю возвратится изъ своихъ Пинскихъ имѣній. Вѣрите, что въ положеніи вашемъ здѣсь принимаютъ самое искреннее участіе и добиваются его улучшенія“ (172). Консисторія предписала благочиннымъ Вѣльскому — Костыцевичу и Вѣлостокскому изъ села Рыболы Льву Марковичу, (брату Василю) доставить удостовѣреніе о благонадежности Антонія Сосновскаго и не принесетъ ли его пребываніе въ м. Клеццеляхъ соблазна духовенству. Костыцевичъ далъ отвѣтъ вполне благопріятный, но Марковичъ (личный врагъ Сосновскаго) въ своемъ донесеніи представлялъ, что Сосновскій, пользуясь большимъ почетомъ въ духовенствѣ и имѣя на него сильное вліяніе, не можетъ оставаться въ Клеццеляхъ. „Спустя нѣкоторое время нишетъ его сынъ Антонъ, явился къ отцу моему въ домикъ тотъ же Левъ Марковичъ съ распечатаннымъ конвертомъ изъ консисторіи, адресованнымъ къ отцу моему съ запросомъ: согласенъ ли мой отецъ, чтобы Лонушинскій, управляя приходомъ, доставлялъ ему половину дохода, или же не желаетъ ли онъ переселиться на другой приходъ въ г. Нарву, предоставивъ Клеццельскій приходъ Лонушинскому? Марковичъ требовалъ отъ моего отца категорическаго отвѣта. Отецъ, далъ замѣтить непримѣчательныя поступки Марковича, позволившаго себѣ вскрыть конвертъ, адресованный на его имя и упрекнувъ его за несправедливость его отзыва своему начальству о заслуженномъ духовномъ сановникѣ, добавилъ, что „я уже такъ старъ, что не желаю обзаводиться на новомъ хозяйствѣ въ г. Нарвѣ, а готовъ остаться въ Клеццеляхъ, хотя бы на половинѣ доходовъ“. Пристыженный Марковичъ, оставилъ въ большомъ смущеніи жилище старика Сосновскаго.

Во всей этой исторіи бывшаго виленскаго офиціала лица, власть имѣющія, мучать правдивою пыткой, а подчиненные набрасываютъ на него, по личнымъ видамъ своимъ, чтобы угодить только начальству!

Но Сосновскій не способенъ былъ падать ни себя, ни подорожалателю, когда замѣчалъ гнусную питригу. Въ своемъ отвѣтѣ отъ 14 февраля 1840 г. на указъ консисторіи (отъ 5 февраля № 1159) Сосновскій доказываетъ неосновательность дѣлаемыхъ ему предложеній: 1) по слабости здоровья и старости своей я не могу начинать хозяйничать на новомъ мѣстѣ и, напротивъ, согласно всемілостивѣйшему дозволенію, желаю свою жизнь окончить въ Клеццеляхъ; 2) оставленіе же меня на половинномъ приходѣ въ Клеццеляхъ, съ предоставленіемъ пользоваться другою половиною священнику Лонушинскому, имѣющему къ тому же Нарвскій приходъ, представляетъ рядъ практическихъ затрудненій. Здѣсь Сосновскій вводитъ въ подробности о неудобствѣ дележа доходовъ: 1) съ фундушовой земли, 2) за требы и 3) съ десятины; эти подробности, сами по себѣ весьма интересныя, мы здѣсь опускаемъ. Въ заключеніе Сосновскій объявляетъ, что въ случаѣ оставленія за Лонушинскимъ Клеццельскаго прихода, онъ долженъ заплатить ему 1387 рублей претензій за исправленіе Сосновскимъ фундушовой земли и за постройки, но въ 15 мѣсяцевъ своего управленія Лонушинскій такъ разстроилъ строенія причта, что въ случаѣ отказа ему въ Клеццельскомъ приходѣ, нужно нарядить комиссію изъ чиновниковъ областной строительной комиссіи для осмотра и оцѣнки стро-

171) Объясненіе Сосновскаго 27 августа 1839 г. Докум. лит. О.

172) Янковскій къ Сосновскому, 26 сентября 1839 года. Докум. лит. З.

еий; въ эту комиссію Сосновскій проситъ не назначать Бѣлостоцкаго благочиннаго протоіерея Льва Маркевича (личнаго моего неприятеля) и никого изъ депутатовъ Бѣлскаго благочинія, которые будутъ держать сторону своего начальника“¹⁷³⁾.

Мы видѣли, что епархіальное начальство признавало за Донушинскимъ, который былъ не болѣе какъ администраторомъ Клещельскаго прихода, какія то права на этотъ приходъ. Наконецъ, послѣ 15-ти мѣсячныхъ пенсій, страданій и униженій послѣдовало смягченіе участи соборнаго протоіерея. Плакидъ Янковскій писалъ къ Сосновскому 14 февраля 1840 г.: „Постановленіе нашего архиепископа вамъ извѣстно; причина замедленія его была та, что ожидалось улучшеніе нашихъ бенедикцій и принято было въ соображеніе, что, послѣ улучшенія Наревскаго фундаша, бывшій администраторъ Клещельскій отступится отъ своихъ правъ (sic) на это послѣднее мѣсто. На вашемъ мѣстѣ всего лучше временно оставаться на половинномъ доходѣ съ Клещельскаго фундаша, представивъ остальное вниманію и добротѣ нашего самого лучшаго архиепископа“¹⁷⁴⁾. Но велѣвъ за сѣмъ 9-го апрѣля послѣдовала милостивая резолюція архіепископа Іосифа о возвращеніи соборнаго протоіерея Сосновскаго исполнѣ къ приходу Клещельскому, а вице-благочиннаго Донушинскаго оставить по прежнему при Наревскомъ приходѣ“¹⁷⁵⁾. Любопытны мотивы такого распоряженія бывшаго ассесора коллегіи къ бывшему офиціалу: „Соборный протоіерей Сосновскій оказалъ уже раскаяніе въ неблаговидныхъ и противныхъ по своему имъ сану дѣйствіяхъ, подвергнувъ былъ за оныя достаточному взысканію и удостоивилъ начальство въ своей благонадежности“¹⁷⁶⁾. Янковскій поспѣшилъ обрадовать епархіальнаго протоіерея: „Съ величайшею радостію доношу вамъ, что милостивый нашъ архиепископъ возвратилъ васъ на Клещельскую бенедикцію совершенно и безусловно. Указъ консисторіи получите съ слѣдующею почтою; теперь же, по случаю праздниковъ оны не могъ быть изготовленъ; желаю чтобы съ возвращающимся спокойствіемъ возвратилось къ вамъ здоровье и спокойствіе въ вашемъ домѣ“¹⁷⁷⁾.

Благочинный Костыцевичъ поспѣшилъ порадовать своего епархіальнаго собрата сообщеніемъ о немедленномъ прибытіи изъ села Пасынки въ Клещели для исполненія указа о возвращеніи Сосновскому Клещельской бенедикціи. „Сегодня (29 апрѣля) я послалъ парочнаго въ Бѣлскъ. Дай Богъ, чтобы исполнилось желаніе всего духовенства о возвращеніи васъ на свой собственный бенедикцій, и тогда поздравлю васъ лично“¹⁷⁷⁾.

Итакъ вся эта грустная исторія, начиная отъ ареста Сосновскаго въ ноябрѣ 1838 года и до полнаго возвращенія его на прежнее мѣсто въ 1840 году, представляетъ мрачную иллюстрацію бытовыхъ правъ духовенства Литовской епархіи во время перехода его отъ уни къ православію. Соборный протоіерей Сосновскій, работавшій всю свою жизнь надъ улучшеніемъ быта духовенства, становится центромъ неприличной интриги, игрушкой своекорыстныхъ расчетовъ

и затаенной злобы*). Не одинъ священникъ, подобно Сосновскому, могъ убедиться въ людской неблагодарности. Но таковы условія всякой переходной эпохи: самые выдающіеся люди становятся жертвою интриги, угодничества и корыстныхъ расчетовъ. Въ людяхъ поднимаются низменныя страсти; на благосостояніи ближняго устраиваютъ свое благополучіе такіе субъекты, которые, при спокойномъ теченіи дѣлъ остались бы мало извѣстными или вовсе не извѣстными.

(Продолженіе впереди)

Пьянство и его ужасныя послѣдствія.

„Куда-бы ни обернулся, по всему лицу земли русской, — всюду встрѣтисся съ этимъ зломъ и его печальными послѣдствіями. Эта язва, все болѣе и болѣе разъѣдающая общественный организмъ деревни и глубоко подтачивающая здоровье и благосостояніе цѣлыхъ сотенъ тысячъ людей, къ несчастію, въ наши дни мало обращаетъ на себя чье-либо вниманіе; до такой степени приглядѣлись къ ней, до такой степени пьянство сдѣлалось обычнымъ, зауряднымъ явленіемъ русской жизни. А между тѣмъ на это зло нужно было бы обратить серьезное вниманіе... Эта забота не есть дѣло только одной правительственной власти. Нѣтъ! и каждый частный человекъ нравственно обязанъ всѣми зависящими отъ него средствами способствовать прекращенію пьянства... Пьянство заразительно; это такой порокъ, который всего легче распространяется въ народѣ, а распространяясь, угрожаетъ обществу всѣми своими ужасными послѣдствіями, какъ-то: разстройствомъ хозяйствъ, обнищаніемъ семействъ, большою смертностію, народоуничтоженіемъ на свѣтѣ цѣлыхъ поколѣній недужныхъ, больныхъ и умственно, и физически людей“.

„Кто не знаетъ, что, съ увеличеніемъ пьянства, увеличиваются и преступленія, процвѣтаетъ развратъ, растутъ всякіе недостатки и недочетки въ хозяйствѣ? Подлинно велико зло, приносимое пьянствомъ... И потому тѣмъ болѣе усилій требуется для борьбы съ нимъ, и тѣмъ скорѣе оно должно быть оставлено и забыто, чтобы не въ концѣ обнищала, обезлюдилась и погрязла въ развратѣ и преступленіяхъ земля Русская. Подумай, русскій человекъ, сколько уносится у тебя этимъ проклятымъ пьянствомъ дорогого времени, которое все могло бы идти на твою же пользу, сколько тратится денегъ на вино, которыя иначе остались бы дома и пошли на улучшеніе твоего хозяйства; сколько здоровья теряется; сколько преступленій совершается, а сколько семейныхъ неурядицъ, всякихъ обидъ, ссоръ — и не перечтешь — и все это отъ вина, отъ неумѣреннаго его употребленія“...

„Въ послѣднее время пьянство сильно развивается по деревнямъ, и крестьяне замѣтно бѣднѣютъ, ихъ хозяйства падаютъ, ихъ бытъ ухудшается. Свои трудовыя деньги они оставляютъ въ кабакахъ и трактирахъ и обогащаютъ ими кабатчиковъ и евреевъ, а семья терпитъ нужду въ самомъ“

173) Рап. старш. соб. прот. Антонія Сосновскаго въ Лит. дух. конс. 1840 г. № 3. Док. подъ лит. П.

174) Подлинное письмо Пл. Янковскаго, бывшаго тогда заступателемъ консисторіи, 14 февраля 1840 г.

175) Записки Іосифа, т. III, стр. 511.

176) Подлинное письмо отъ 18 апрѣля 1840 г. Док. л. Ж.

177) Отъ Адама Костыцевича 29 апрѣля 1840 г. изъ Пасынокъ, понедѣльникъ 10 часовъ утра.

*) Въ этомъ же 1839 г. архіеп. Іосифъ разрѣшилъ Сосновскому пересадить его питомникъ и молодыя деревца изъ притчоваго сада на его собственную землю, а въ 1841 году Сосновскому, наравнѣ съ др. выдающимися духовными сановниками, пожалована медаль въ память воссоединенія униатовъ съ православною церковью. Ред. Л. Е. В.

необходимомъ и всякіе недостатки, хозяйство разстраивается, а помочь горю печѣтъ.—всѣ деньги оставлены въ кабакахъ, да и хозяинъ то самъ, вслѣдствіе постоянного пьянства, получилъ отвращеніе къ труду—ему лѣнь уже взяться за работу, чтобы поправить свои домашніе дѣла, если же какія деньги и заработаетъ, то всѣ онъ опять идетъ въ тотъ же кабакъ на вино. Въ концѣ концовъ эта пагубная страсть къ пьянству до того усиливается, что, за неимѣніемъ денегъ на выпивку, мужикъ тащитъ въ кабакъ послѣднюю одежду, продаетъ кормилицу корову, или работницу—лошадь, и все это для того, чтобы удовлетворить своей страсти къ вину. Пьянствуетъ такимъ образомъ мужикъ и совсѣмъ раззоряется, попадаетъ въ кабалу къ кабатчику, который тянетъ изъ него послѣдніе соки, входитъ въ неоплатные долги деревенскому кулаку и жиду, которымъ часто продаетъ хлѣбъ еще на корню и такимъ образомъ черезъ свое пьянство навсегда лишаетъ себя возможности поправиться недостатками. И если разъ попадетъ онъ въ лапы еврея или въ кабалу деревенскаго кулака-міробда,—никогда не вырваться ему изъ этихъ тисковъ, всю жизнь онъ будетъ батракомъ на нихъ“...

„Но это неслыханное батрачество, эта пожизненная кабала у кабатчика—еврея и кулака-міробда еще ничто, въ сравненіи съ тѣмъ жалкимъ состояніемъ, до котораго доводитъ пьянство,—состояніемъ полнѣйшаго нравственнаго омертвенія! Въ этомъ ужасномъ состояніи человѣкъ забываетъ все: Бога, совѣсть, стыдъ, онъ не задумывается ни предъ какимъ преступленіемъ; нѣтъ зла, нѣтъ преступленія, котораго бы онъ не совершилъ тогда ради водки. И дѣйствительно доказано, что болѣе половины всѣхъ преступленій совершается пьяницами, или во время опьяненія. Убиваютъ, поджигаютъ, рѣжутъ другъ друга—все больше въ пьяномъ видѣ. Въ состояніи опьяненія человѣкъ бываетъ очень занальчивъ и раздражителенъ, потому что водка чрезвычайно горячитъ кровь и возбуждаетъ человѣка“.

„По этому пьяные всегда скорѣе затѣютъ какую нибудь ссору, или драку, отъ пьянаго такъ и жди какого либо оскорбленія, или словомъ, или дѣйствіемъ; въ пьяной головѣ подъ возбуждающимъ дѣйствіемъ винныхъ паровъ быстрѣе назрѣваютъ всякія рѣшенія, и человѣкъ тогда скорѣе способенъ на преступленіе“.

„Въ состояніи же опьяненія происходитъ большая часть самоубійствъ, люди давятся, стрѣляются, томятся несравненно болѣе въ пьяномъ видѣ, чѣмъ въ трезвомъ“.

„Пьянство, наконецъ, очень часто служитъ причиною сумасшествія: около половины всѣхъ сумасшедшихъ были прежде пьяницами, водка довела ихъ до дома умалишенныхъ. По наблюденію профессора Мержеевскаго, число умалишенныхъ вслѣдствіе пьянства доходитъ у насъ въ больницахъ отъ 7 до 42 человѣкъ на 100. Такъ велико зло, приносимое пьянствомъ!“

„Видишь русскій человѣкъ, сколько горя причиняетъ тебѣ излюбленная тобою водка: она не только толкаетъ пьяницу на разныя скверныя и противныя духу любви Христовой дѣла, какъ-то: убійство, поджогъ, грабежъ, брань, ссоры, самоубійство,—но и самаго то человѣка унижаетъ, отнимаетъ у него все лучшее, человѣчное въ его природѣ. Черезъ пьянство, мы сказали, люди часто сходятъ съ ума, слѣдовательно пьянство лишаетъ человѣка ума, разсудка и сознанія, то есть самаго высшаго и лучшаго, что только ни есть въ человѣкѣ. Да и тогда, впрочемъ, когда пьяница повидимому здоровъ, когда онъ не дѣлается ума-

лишеннымъ отъ пьянства, онъ всетаки не можетъ назваться вполне здоровымъ человѣкомъ, ибо душа его и всѣ ея силы повреждены пьянствомъ: совѣсть его молчитъ, умъ бездѣйствуетъ, всѣ высшія стремленія потухаютъ; напротивъ—всѣ желанія, всѣ мысли пьяницы обращены къ одному—какъ бы гдѣ выпить и вочто бы то ни стало раздобыться водкой. Въ пьянствѣ человѣкъ дѣлается хуже скота, и всѣ, даже самые близкіе къ нему люди, съ омерзеніемъ и ужасомъ отворачиваются отъ этого несчастнаго, дѣти стыдятся назвать пьяницу своимъ отцомъ, жены и сестры кричатъ за своихъ пьянствующихъ мужей и братьевъ“.

„А нищенство? Откуда оно? Откуда взялись эти жалкіе, отрешенные, бездомные, готовые на разныя преступленія и часто неимѣющие куска хлѣба люди?—А это всѣ тѣ же пьяницы, которыхъ пьянство отводило отъ труда и приучило къ лѣни, къ тунеядству (проживанію на чужой счетъ), къ праздности и попрошайничеству. Это самый дурной, самый развращенный народъ, и такими ихъ сдѣлало пьянство. Пьянствуетъ человѣкъ день, пьянствуетъ другой, третій, недѣлю, мѣсяць... онъ приучается къ лѣни, къ ничего-недѣланію; а между тѣмъ достатки его день ото дня все болѣе и болѣе истощаются; вотъ, наконецъ, наступаетъ время, когда ему совсѣмъ нѣтъ нечего и выпить не на что—и вотъ сначала робко, не смѣло, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе протягивается рука за подаеніемъ; наконецъ попрошайничество входитъ въ привычку, человѣкъ уже беззастѣнчиво, безъ малѣйшаго стыда научается выпрашивать милостыню и живетъ такимъ образомъ на чужой счетъ изо дня въ день, самъ ничего не дѣлая и не желая дѣлать... Итакъ, въ пьянствѣ начало нищенства, которое наводняетъ города и составляетъ собою лзвучество общества, и дѣйствительно, большинство нищихъ были или есть пьяницы, и именно пьянство довело ихъ до нищенства“.

„Но кромѣ того, что пьянство убиваетъ матеріальное довольство и благосостояніе крестьянской семьи, кромѣ того, что въ концѣ разстраиваетъ крестьянское хозяйство и жилищнаго мужика дѣлаетъ нищимъ, или отдаетъ его на цѣлый вѣкъ въ кабалу деревенскаго кулака и кабатчика,—оно безусловно вредно еще и въ отношеніи здоровья. Пьянство разстраиваетъ здоровье, дѣлаетъ человѣка болѣзненнымъ, у пьяницы появляется водянка, ракъ легкихъ и прочія, почти неизлѣчимыя болѣзни. Пьяницы очень часто страдаютъ одышкою, потерю сна, аппетита, сильнымъ возбужденіемъ нервъ, такъ что ихъ раздражаетъ всякій пустякъ и, въ припадкѣ раздражительности, они готовы даже убить человѣка. Но кромѣ того, что пьяницы подвержены разнымъ такимъ болѣзнямъ, о которыхъ не упомяну и понятія не имѣетъ, здоровье ихъ, отъ неумѣреннаго употребленія водки, вообще слабо:—они заболѣваютъ легче, чѣмъ непьющіе, а выздоровленіе ихъ идетъ труднѣе. Наконецъ, самая жизнь пьяницъ гораздо короче, чѣмъ людей непьющихъ; завзятый пьяница умираетъ лѣтъ 25—30, рѣдко доживаетъ до 40; а до 50 лѣтъ живетъ только въ тѣхъ случаяхъ, если началъ пить въ довольно позднемъ возрастѣ. Какое вредное вліяніе пьянство оказываетъ на здоровье, видно напр. изъ того, что въ одной Европейской Россіи ежегодно бываетъ умершихъ отъ зноя около 6,000 человѣкъ, да кромѣ того, по крайне неполнымъ свѣдѣніямъ болыныхъ—пьяницъ бываетъ каждагодно не менѣе 12,000 человѣкъ. Такъ самопроизвольно и преждевременно пьяницы портятъ свое здоровье и губятъ жизнь. Да и не одно свое здоровье и жизнь губятъ водкой пьяницы,—нѣтъ! они

отвѣтственны и за здоровье своихъ дѣтей, своихъ потомковъ. Давно извѣстно, что отъ здороваго человѣка и дѣти родятся здоровыя, отъ больнаго, слабаго, хилаго и потомство—слабое и болѣзненное; а пьяница вѣдь весь боленъ. Посему и дѣти отъ пьяницъ постоянно бываютъ болѣзненныя, золотушныя, съ задатками водянки, англійской болѣзни и зародышами различныхъ болѣзней. Дѣти пьяницъ никогда не бываютъ виолнѣ здоровыми людьми когда выростутъ-то, а во младенчествѣ подвержены очень часто заболѣваніямъ и умираютъ во множествѣ“.

„Кто же виновенъ въ томъ, что дѣти, рождающіяся отъ пьяницъ—слабыя, болѣзненныя дѣти и что они мрутъ въ такомъ множествѣ?—Виновны, конечно, сами же ихъ отцы—пьяницы и такія же матери, съ молокомъ своей груди передающія дѣтямъ ядъ водки“.

„Подумай, пьяница, и разсуди хорошенько, какой страшной отвѣтственности предъ Богомъ и другими людьми подвергаешься ты, подумай, какой ужасный грѣхъ берешь ты на душу, когда такъ безразсудно предаешься пьянству—этому пагубному и для души твоей и для тѣла, и прямо вредному для жизни и здоровья дѣтей твоихъ—пороку. Вѣдь ты не только самоубійца, потому что завѣдомо и сознательно убиваешь пьянствомъ свое здоровье и сокращаешь жизнь свою, но ты еще и дѣтоубійца, потому что въ корнѣ убиваешь здоровье своихъ дѣтей, передавая имъ путемъ естественнаго рожденія нездоровую, насыщенную водкой кровь, отъ которой и происходятъ всѣ болѣзни и смерть дѣтей. Да, страшенъ и тяжекъ грѣхъ пьяницы и горе ему, если не исправится!“

„Но это далеко еще не все, что есть дурнаго и вреднаго въ пьянствѣ,—пьяница, рождая дѣтей, даетъ имъ болѣзную кровь и этимъ убиваетъ здоровье ихъ тѣла, но онъ же своимъ дурнымъ примѣромъ, своимъ безшабашнымъ пьянствомъ и гульбою убиваетъ и здоровье ихъ души. Подумай-ка, въ самомъ дѣлѣ, пьяница, какой дурной примѣръ своею пьяною разгульною жизнію ты подаешь своимъ дѣтямъ, да и прочимъ членамъ семьи. Вотъ ты возвращаешься изъ кабака пьяный, растерзанный, бьешь жену, дѣтей, изрыгаешь неприличныя слова, самъ находишься въ скотски-неприличномъ видѣ... А дѣти смотрятъ на тебя и всѣ твои неприличныя слова и дѣйствія крѣпко запоминаются ими. Ты ихъ отецъ, твоимъ примѣромъ они руководятся, подражаютъ тебѣ и въ словахъ и въ движеніяхъ. А кто не знаетъ, что у дѣтей молодая, впечатлительная сердца, что примѣры людей близкихъ на нихъ сильно дѣйствуютъ и на всю жизнь остаются памятны. Посему понятно, что, видя тебя, пьянаго, развращеннаго сквернословника, они легко перенимаютъ отъ тебя различныя пѣсни и слова, нескромныя тѣлодвиженія, научаются отъ тебя же неуваженію къ тебѣ, видя, какъ ты пьяный самъ неуважительно относишься къ своимъ родителямъ... Подумай—откуда взяться въ дѣтяхъ уваженію къ тебѣ? гдѣ тутъ брать имъ съ тебя примѣры цѣломудрія, когда пьяный, ты развратецъ,—скромности, когда ты сквернословничаешь,—умѣренности, когда ты пьянъ до изнеможения,—любви, когда бьешь жену и дѣтей? И кто знаетъ?—быть можетъ современемъ и они, по твоему примѣру, сдѣлаются такими же пьяницами. Кто тогда будетъ виноватъ въ ихъ паденіи?—конечно, ты одинъ!—На тебѣ лежитъ отвѣтственность за нихъ предъ Богомъ, ты долженъ воспитывать дѣтей въ благочестіи и страхѣ Божіемъ; а ты, вмѣсто того, воспитываешь ихъ въ развратѣ, въ пьянствѣ, въ скверно-

словіи. Смотри же, какой отвѣтственности ты подлежишь! Смотри, какой гнѣвъ Божій на себя собираешь своимъ небрежнымъ и преступнымъ невниманіемъ къ воспитанію дѣтей!“

„Пьяница составляетъ горе и несчастіе своей семьи. Онъ разрушаетъ тихую, семейную жизнь; взаимное согласіе всѣхъ членовъ семейства, при которомъ въ семьѣ царствуетъ миръ и тишина,—совершенно уничтожается, если кто либо въ семьѣ пьянствуетъ. Ибо пьяница вноситъ въ семью несогласіе и раздоръ. Гдѣ есть пьяница,—тамъ каждый день брань, ссоры, побои, слезы; горько тамъ живетъ остальнымъ членамъ семьи, принужденнымъ терпѣть отъ пьянаго упрёки, часто незаслуженныя, оскорбленія и побои. Такой домъ покинула любовь, тихое семейное счастье изгоняется изъ дома пьяницы... Гдѣ же тутъ семейная любовь, когда всякія оскорбленія и побои градомъ сыплются отъ разбушевавшагося пьяницы на прочихъ членовъ семьи? Отъ такого дома отнимается Божіе благословеніе, ангелы удаляются изъ него, и здѣсь поселяются бѣсы, всегда радующіеся всякому беззаконію. Не говоритъ ли тебѣ пьяница, твое сознаніе, что и семейное счастье твое разбито имъно пьянствомъ? Неужели не трогаютъ тебя слезы бѣдной жены, когда она видитъ тебя пьянаго и безобразнаго? Неужели не стыдно тебѣ дѣтей, предъ которыми пьяный ты являешься въ крайне неприличномъ видѣ? Лучше оставить этотъ ужасный порокъ, убивающій въ корнѣ здоровую семейную жизнь, чѣмъ своимъ безирасинымъ пьянствомъ, своимъ дурнымъ и безнравственнымъ поведеніемъ въ состояніи опьяненія такъ оскорблять, такъ мучить своихъ домашнихъ. Пьянство одного члена семьи дѣлаетъ семейную жизнь невыносимою для остальныхъ; семья перестаетъ быть училищемъ благочестія и нравственности и обращается въ вертепъ разврата; при пьянствѣ даже одного изъ членовъ семьи, семья теряетъ свое значеніе тихаго пріютнаго кружка близкихъ и дорогихъ намъ лицъ, гдѣ ждутъ участія и любви, но обращается въ какой то грязный кабакъ, гдѣ кажется, самый воздухъ пропитанъ бранью и срамословіемъ... Нѣтъ, русскій человѣкъ! Если ты хочешь, чтобы у тебя въ семьѣ былъ совѣтъ да любовь, чтобы царилъ въ ней нпчѣмъ не возмущаемая тишина и спокойствіе,—то брось свое пьянство, оставь пагубную водку, и тогда, послѣ трудовъ внѣ дома, возвратясь въ семью свою, ты дѣйствительно найдешь здѣсь для себя покой и отдыхъ“.

„Мы много говорили сейчасъ о вредѣ пьянства, о его печальныхъ послѣдствіяхъ и—все это съ тою цѣлю, чтобы пробудить тебя, пьянствующій русскій человѣкъ, отстать отъ пагубнаго пьянства. Но, можетъ быть, найдутся такіе, что не повѣрятъ нашимъ словамъ,—тогда пусть оглянется на себя каждый, подверженный пьянству, и увидитъ, что сдѣлало съ нимъ пьянство. Если ты окроветѣлъ, то сознаешься, что водка, съ тѣхъ поръ, какъ ты сталъ неумѣренно употреблять ее, значительно пзмѣнила тебя къ худшему. Прежде ты былъ набожный, работающій крестьянинъ, охотно посѣщалъ по праздникамъ храмъ Божій, любилъ и читалъ все священное, усердно трудился будними днями, дорожилъ каждымъ часомъ времени. Теперь же ты въ церковь то едва въ годъ дважды заглянешь, да и то стоишь тамъ невнимательно, разсѣянно; а ужъ какой лежебокъ, лѣгкій сдѣлался,—просто и не узнать совсѣмъ прежняго работающаго мужика! Возьмемъ хоть, теперь, здоровье: прежде то его у тебя было на троихъ хоть отавляй; на нашихъ ты не меньше коня работалъ—и ничего себѣ, а

теперь вотъ пьешь—и хворь тебя совсѣмъ одолѣла—и тутъ болитъ, и тамъ пеладно. Прежде достатокъ то у тебя былъ такой развѣ?—и по дому, и по хозяйству все исправно, и на самомъ—все одежда приличная и крѣпкая, а теперь дай Богъ еле-еле хоть концы съ концами свести, а то такъ и во все—разоренье: безъ рубашки находишься... все у жида осталось. Да и на селѣ то тебя всякъ съ лаской и почетомъ прежде встрѣчалъ: кто ни встрѣтится—шанку спиметъ, а теперь, видишь, тебя никто и знать не хочетъ, и уваженіе всякое къ себѣ ты у добрыхъ людей совсѣмъ потерялъ, даже жидъ надъ тобою издѣвается: одно и прозвище тебѣ осталось что „лядащій“. И во всѣмъ этомъ виновато пьянство“.

„Неизвинительны для крестьянъ—пьяницы и тѣ отговорки, какія они приводятъ въ свое оправданіе. Мы, говорятъ, пьемъ потому, что ужъ очень худо живется,—отъ того, что туго жить на бѣломъ свѣтѣ нашему брату приходится. Пьемъ, говорятъ, чтобы хотя нѣсколько забыть свое горе, свою нужду безысходную;—выпьемъ и какъ то легче тебѣ: все забудешь.—Такими разсужденіями, думаютъ, оправдаютъ себя неизмѣнно употребляющіе водку? Но развѣ они не знаютъ того, что, когда хмѣль пройдетъ,—та неприглядная, непривѣтливая дѣйствительность, отъ сознанія которой они бѣжали, которую хотѣли забыть въ винѣ,—еще непригляднѣе, еще непривѣтливѣе покажется имъ послѣ. Жизнь еще суровѣе глянетъ имъ въ глаза, когда они вытрезвятся и придутъ въ себя; и это потому—именно, что въ пьяномъ состояніи имъ все казалось хорошимъ, все представлялось въ розовомъ цвѣтѣ. Нѣтъ лучше ужъ совсѣмъ не пить, чѣмъ пить только для того, чтобы *забыться*, потому что потомъ,—когда волею-неволею приходится возвращаться къ дѣйствительности,—она, эта дѣйствительность, послѣ такого, сладкаго усыпленія и забвенія, кажется вдвое тяжелѣе и суровѣе. А отсюда—всякія недовольства разочарованія жизнью и въ концѣ-концовъ—самоубійства“ *).

Коричій.

Къ вопросу о происхожденіи слова Русь.

18-го января въ засѣданіи по отдѣленію древностей географическихъ и этнографическихъ проф. Варшавскаго Университета А. С. Будиловичъ сдѣлалъ сообщеніе — „Къ вопросу о происхожденіи слова *Русь*“. Референтъ пытается разрѣшить полуторавѣковъ споръ объ этомъ словѣ. Какъ извѣстно, одни считаютъ его славянскимъ, другіе же заимствованнымъ у другихъ народовъ. Обращаясь къ этимологіи слова *Русь*, референтъ разсматриваетъ его какъ въ отношеніи морфологическаго строенія, такъ и со стороны его функциональныхъ особенностей, притомъ въ историческомъ его оборотѣ съ древнѣйшихъ временъ. Касаясь морфологическаго строенія слова, г. Будиловичъ видитъ въ немъ двойственность корневой вокализации: Русь и Россія, *Rosca*. Эта двойственность корня въ разсматриваемомъ словѣ встрѣчается и въ названіи его въ другихъ языкахъ: въ греческомъ Константинъ Багрянородный и патриархъ Фотій говорятъ: *ros, rosikos* и *rousikos*; *Russland* и *Reussen*; въ

нашихъ древнѣйшихъ лѣтописяхъ находимъ ту же двойственность. То же замѣчается и въ названіи рѣкъ и городовъ: *Russe* (рукавъ Нѣмана), Рось, Русна, Старая Руса, Россіены. Нужно прибавить, что эта двойственность не встрѣчается въ другихъ подобныхъ славянскихъ именахъ, напр., въ названіяхъ: чехъ, ляхъ, сербъ, хорватъ и т. д. Страннымъ кажется также окончаніе настоящаго слова на *ь*, не встрѣчающееся нѣ другихъ славянскихъ областныхъ и племенныхъ названіяхъ. Все это наводитъ на предположеніе о заимствованномъ характерѣ столь страннаго по морфологическому строенію слова *Русь*. Разсматривая функциональныя особенности этого слова, референтъ отмѣчаетъ разнообразіе его значеній: то какъ земли, то какъ народа, то какъ государства. Такой особенности не представляютъ другія славянскія аналогичныя названія, напр.: Польша, Познань, Ческо, Словенско, Босна и т. п. Еще шире значеніе слово *Русь* у Нестора-лѣтописца: въ одномъ мѣстѣ оно означаетъ всю русскую землю, въ другомъ—лишь среднее Приднѣпровье, гдѣ—всѣ сословія, гдѣ—только одно изъ нихъ, то славянъ, то какую-то заморскую династію, дружину или народъ. То же замѣчается и въ договорахъ съ греками, въ которыхъ *Русь* или обнимаетъ всѣ союзныя племена, или выдѣляется отъ славянъ, а равно у Константина Багрянороднаго *Ros* употребляется то въ обозначеніи всего государства Олега, то въ отношеніи лишь приднѣпровскаго политическаго союза, то опять въ противопоставленіи славянамъ, какъ нѣчто инородческое. При такихъ условіяхъ трудно производить, какъ дѣлаютъ нѣкоторые филологи, разсматриваемое слово отъ славянскаго „роса“ (рось) или отъ „русо“ (русъ), такъ какъ и въ строеніи, и въ значеніяхъ слова чувствуется какой-то иноязычный и инородческій элементъ. Обращаясь къ вопросу, въ средѣ какого народа могло возникнуть слово *Русь*, референтъ доказываетъ, что оно не могло быть заимствовано ни изъ финскаго, ни изъ литовскаго, ни изъ шведскаго языка, ни отъ одного изъ сѣверныхъ народовъ. Что же касается южныхъ народовъ, то, хотя между ними и было племя роксолане (названіе осетинскаго происхожденія), но оно могло бы еще дать имя Руси азовской, а не днѣпровской, которая одна должна стоять на первомъ планѣ при разъясненіи генезиса интересующаго насъ слова. Далѣе вліяніе роксоланъ на наши славяно-русскія племена, если оно и могло быть, то должно относиться ко времени слишкомъ отдаленному отъ періода образованія Русскаго государства, и наконецъ роксолане не представляются въ исторіи народомъ государственнымъ, а слѣдовательно не могли дать нашей Руси того, чего сами не имѣли—государственнаго устройства. Не останавливаясь на теоріи происхожденія Руси отъ хозаръ, которая мало имѣетъ послѣдователей, по трудности согласить съ нею и лингвистическія и историческія данныя, г. Будиловичъ перешелъ къ „варяжской“ теоріи. Ея слабая сторона онъ видитъ въ слѣдующемъ: 1) въ періодъ распространенія на востокъ и юго-востокъ шведскихъ варяговъ въ ихъ странѣ не было племени *Русь*, слѣдовательно оно не могло и выйти оттуда; 2) время скитаній варяговъ по Руси относится не къ VIII или IX вѣку, а къ X, къ періоду гораздо позднѣйшему, чѣмъ появилось въ исторіи слово *Русь*, извѣстное Арабамъ, Грекамъ уже въ IX и даже въ половинѣ IX вѣка; такъ, разсказывается о морскомъ походѣ подъ Константинополь, предпринимавшемся Русью въ 865 г. на 200 корабляхъ, а при Игорѣ на 1,000 судахъ; говорится о походѣ Руси на Каспійское море

*) Эта статья съ большою пользою могла бы быть прочитана полуграмотному люду—священникомъ, дьякономъ, псаломщикомъ, учителемъ школы, сельскимъ писаремъ, фельдшеромъ; она будетъ выслушана со вниманіемъ и возбудитъ при чтеніи поясненія и воспоминанія живыхъ примѣровъ.

и на кавказскіе земли (Дербентъ); 3) варяги были дружинники и купцы, а не народъ, который бы могъ оставить на Руси глубокой исторической слѣдъ и увѣковѣчить въ ней свое имя. Наконецъ, Русь распространялась не съ сѣвера на югъ, какъ варяги, а наоборотъ, съ юга на сѣверъ, причемъ Кіевъ является матерью русскихъ городовъ. Такимъ образомъ, теорія происхождения Руси отъ варяговъ должна быть оставлена; но, съ другой стороны, нужно признать, что защитникамъ варяжской теоріи посчастливилось объяснить изъ германскихъ корней значительное число загадочныхъ древнерусскихъ словъ, встрѣчающихся, напримеръ, въ договорахъ съ Греками, такъ что трудно отрицать присутствіе въ древнерусскомъ языкѣ германскаго наслоенія, но болѣе древняго, чѣмъ варяжская эпоха. Къ какому же германскому языку и народу слѣдуетъ отнести это наслоеніе? „Думаю,—отвѣчаетъ референтъ,—что къ Готамъ, такъ какъ: 1) ни одинъ германскій народъ не обиталъ въ Россіи въ эпоху, болѣе или менѣе близкую къ возникновенію нашего государства; 2) готы жили въ нашей странѣ довольно продолжительное время и не могли не оставить слѣдовъ своего пребыванія въ нашемъ языкѣ, бытъ и учрежденіяхъ“. Изложивъ исторію пребыванія готвъ въ Европѣ, начиная съ переселенія ихъ изъ Скандинавіи къ устьямъ Вислы и Нѣмана, до разгрома ихъ Атиллой, референтъ указалъ на слѣды готскаго влияния въ славянскомъ языкѣ; такъ, къ готскимъ словамъ относятся названія: князь, витязь, мзда, шлемъ, броня, мечъ, лихва, мыто, поить, колоколь, лѣкаръ, мощи и проч. Также готскія слова остались въ названіи нашихъ буквъ: азъ, глаголь, иже, ерь. Но если готы оставили слѣды въ славянскомъ языкѣ, то естественно, что ихъ влияние должно было сохраниться и въ названіяхъ географическихъ и этнографическихъ. Готскимъ происхожденіемъ референтъ объясняетъ названіе р. Бугъ, Бескиды—водораздѣльный кряжъ Карпатскихъ горъ и др. Также готскимъ онъ считаетъ и слово „Русь“. Последнее соответствуетъ готскому *Hrōthis*, *hrōs*, въ которомъ *o* произносится какъ русское *o* и *u* и въ словѣ слышится два корня—*рус* и *рос*, такъ что изъ него легко могло образоваться какъ *Русь*, такъ и *Росъ*. Но было ли въ готскомъ мѣрѣ такое племенное названіе? На этотъ вопросъ референтъ отвѣчаетъ, что оно встрѣчается въ формѣ *Hrōdh*, *hroedh*, *hreidh*, *Hraidh* въ VIII и IX вѣкѣ въ англо-саксонскихъ источникахъ, а также въ XII и XIII вв. въ исландскихъ сагахъ, обыкновенно въ сочетаніи съ *gotoland*, причемъ слово *hrōdh-gotoland* иногда принимается въ широкомъ значеніи для отличія готскихъ материковыхъ земель отъ островныхъ. Изъ тѣхъ же источниковъ референтъ доказываетъ, что слово *Hrōdh-gotoland* имѣло и частное значеніе, обозначая собою готскую область, лежавшую къ востоку за Польшею, между Карпатами и Днѣпромъ. Такое же названіе встрѣчается въ формѣ *Grothungi*, *Greutungi* и у греческихъ, и у латинскихъ писателей III и IV вв. Такимъ образомъ оказывается, что въ древней Руси была готская область, называемая Росъ-Готландіей, которая приблизительно совпадала съ землею Полянъ, гдѣ возникъ Кіевъ и гдѣ образовался центръ Русскаго государства. Область эта была важна, середина у остъ-готовъ и одно время принадлежала царю Германариху, которому въ сагахъ припи-

сывается даже названіе Росъ. Готскій языкъ наряду съ нордскими принадлежитъ, какъ теперь доказано, къ восточной группѣ германскихъ языковъ. Между прочимъ предполагаютъ, что было время, когда языки готскій и нордскій составляли одинъ языкъ. Производя слово Русь отъ готскаго *Hrōthis*, *hrōs*, мы получимъ ключъ къ разгадкѣ и объясненію всѣхъ теорій происхождения этого слова: норманской, литовской, роксоланской, скифской, хозарской, къ объясненію названій „Русь Днѣпровская“, „Азовская“, „Карпатская“ (было время, когда еще за моремъ жила готская русь) и т. п.

Сообщенія проф. Будилевича вызвало громкія, долго неслышанныя рукоплесканія. (Варш. Днев.)

— Изъ области религіозныхъ суевѣрій. Одинъ изъ крестьянъ Сокольскаго уѣзда, принадлежащій къ числу уноретствующихъ, поступившій въ войска закавказскаго края стрѣлькомъ, былъ подвергнутъ на мѣстѣ своего служенія пастырскому увѣщанію своего духовнаго отца. Изъ ралорга военнаго священника видно, что этотъ стрѣлокъ, признавая недѣйствительнымъ фактъ присоединенія своего къ православнои церкви и считая себя истиннымъ католикомъ, хотя присоединеніе его ничѣмъ не можетъ быть оспоримо, не имѣетъ никакого понятія о католическомъ вѣроисповѣданіи, за исключеніемъ только самыхъ грубыхъ суевѣрій, въ родѣ того, что напѣ постоянно носитъ въ кармапѣ ключи отъ неба и, просыпаясь утромъ, находитъ у себя подъ подушкой писема отъ Самаго Бога и т. п. Это наивное исповѣданіе стрѣлка показываетъ, какою нищелою, какими влущеліями питается темный народъ и до какихъ нещелостей можетъ доходить поклоненіе папской непогрѣшимости. Несомнѣнно, что только непоглядное невѣжество можетъ поддерживать въ народѣ столь грубую суевѣрїю и держать въ напряженіи и возгрѣвать въ немъ подъ чуждыми влущеліями религіозный фанатизмъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„БѢЛУРОССІЯ И ЛИТВА“, историческія судьбы сѣверо-западнаго края.

Съ Высочайшаго созволелія, издана при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ.

Съ 1 хромолитографіей, 99 гравюрами и историко-географической картой, 36 1/2 печатныхъ листовъ.

Цѣна 2 р. 50 к.

Книгопродавцамъ, учебнымъ заведеніямъ и духовенству дѣляется уступка. Складъ изданія: Министерство внутреннихъ дѣлъ, церковно-строительное отдѣленіе. При вынщеліи изъ склада за пересылку не платятъ.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Вильна. Губернская Типографія,
Ивановская у. № д. 11

Дозволено цензурою.

Цензоръ Каѣдральный Протоіерей Петръ Левинскій.